

А.А. Васильченко

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧУВСТВА СТРАДАНИЯ В ЛЕКСИКОНЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИБИРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

Представлены результаты изучения семантического поля «Страдание» с позиций описания языковой картины мира в лингвоперсонологическом аспекте. Рассмотрен состав лексико-фразеологических единиц в их отнесенности к функционально-семантическим классам, отражающим формы проживания чувства. Описаны типичные ситуации и языковые средства. Анализ формы и семантики элементов идиолексикона через их реализацию в речи позволил описать фрагмент языковой картины мира диалектной языковой личности.

Ключевые слова: идиолексикон; языковая личность; языковая картина мира; сибирские говоры; семантическое поле «СТРАДАНИЕ».

Эмоционально-чувственная сфера жизни человека активно изучается лингвистами в русле современной антропоцентрической парадигмы. При обращении к этой проблематике исследователями изучаются соотношение чувства и эмоции, способы их отражения в языке, категоризация эмоций, взаимосвязь эмоционально-чувственной сферы жизни, языка и культуры. Н.Д. Арутюнова рассматривает метафору в языке чувств, отмечает специфику выражения внутренней жизни человека в языке в силу сложной структуры человеческой психики [1]. А. Вежицкая, говоря о эмоционально-чувственной лексике русского языка, предлагает исследовать эмоциональные концепты через призму универсальных семантических примитивов [2. С. 326]. Л.Г. Бабенко признает наличие в универсальном опыте человечества группы ведущих универсальных эмоций, а следовательно, существование в лексической семантике универсальных эмотивных смыслов.

На поиске, категоризации и характеристике таких смыслов в семной структуре слова основывается анализ единиц эмоционально-чувственной сферы [3]. Описание отдельно взятого чувства, характеризующегося некоторым «набором» реакций, ощущений, возникающего в определенных случаях и по определенным причинам, проявляющегося в соответствии с индивидуальностью говорящего, позволяет говорить о лингвокультурном концепте как объекте исследования. Обширен круг работ С.Г. Воркачева, описывающих эмоционально-чувственные сущности как концепты [4–7]. Стоит отметить, что большинство исследований в этой сфере базируются на данных литературного языка. Как правило, работы выполнены в рамках сопоставления нескольких языков или на материале языков малых народов России [8–10]. В ряде исследований анализируется русский литературный язык в целом, а материал извлекается из различных словарей [11–13], или рассматривается текстовая реализация эмоциональных концептов в художественных произведениях [14–16]. Диалектный материал привлекается значительно реже: так, анализировались метафорические модели эмоциональных состояний в говорах Среднего Приобья [17], концепты «Жалость»

и «Любовь» в донских и приамурских говорах [18, 19]. В лингвоперсонологическом аспекте рассматриваемая проблематика пока не разработана.

Предпринятое автором изучение языковых средств обозначения чувств и эмоций в идиолексиконе сибирского старожила В.П. Вершининой (1909–2004 гг.) является частью осуществляемого томскими диалектологами комплексного описания диалектной языковой личности (см. обзор: [20]). Л.Г. Гынгазова подчеркивает, что чувства и эмоции в речи диалектоносительницы репрезентируются посредством вторичных номинаций (метафор, фразеологизмов, сравнений). В обобщенном виде (не выделяя отдельные чувства) автор описывает способы интерпретаций эмоциональных состояний [21]. В монографии С.С. Земичевой [22] чувственное восприятие информантом окружающей действительности рассматривается через органы перцепции, в отличие от настоящего исследования, где чувство понимается как «внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание» [23. С. 695]. Кроме того, в статье чувства и эмоции не разграничиваются строго: предполагается, что они неразрывно связаны в реальной жизни (спонтанные эмоциональные реакции порождают чувства; под действием чувств могут возникать эмоциональные реакции), однако чувства характеризуются большей продолжительностью, стабильностью и глубиной переживания, в отличие от эмоций.

Цель настоящей статьи – описание фрагмента индивидуальной языковой картины мира, репрезентирующего чувство страдания. Сделанные заключения опираются на проведенный анализ функционально-семантических классов лексики чувств и эмоций в идиолексиконе информанта, а также дискурсивный анализ текстов, отражающих его речевую практику. Источником работы послужили «Полный словарь диалектной языковой личности» [24] и расшифровки аудиозаписей речи сибирской крестьянки, сделанные методом включения в языковое существование говорящего¹. За единицу анализа принимается слово или фразеологизм в отдельно взятом значении (ЛФЕ – лексико-фразеологическая единица).

Методология предполагает последовательное расширение взгляда на эту единицу: слово (заголовок словарной статьи) – дефиниция – примеры словоупотребления, представленные в словаре, – текст (расширенные контексты и дополнительные примеры употребления конкретной ЛФЕ из расшифровки записей речи индивида) – идиолектный дискурс (учет прочих высказываний информанта, непосредственно не связанных с эмоционально-чувственной сферой).

Сплошная выборка ЛФЕ эмоционально-чувственной сферы из словаря осуществлялась с опорой на компонентный анализ словарных дефиниций (в отдельных случаях – с привлечением контекстов). При объединении единиц с повторяющимися или пересекающимися семами, обозначающими чувства и эмоции, формировались семантические поля, которые рассматриваются как основной содержательный элемент языковой картины мира [25. С. 57].

В статье анализируется семантическое поле «Страдание» – одно из самых объемных полей, объединяющих единицы эмоционально-чувственной сферы в словарном запасе информанта. В его состав входит 53 ЛФЕ. Разработанность поля подчеркивает важность этого чувства для носителя народной речевой культуры, что может объясняться как социально-историческими факторами, повлиявшими на жизнь крестьянки (Гражданская и Великая Отечественная войны, изменения уклада жизни, связанные с организацией колхозов, совхозов, перестройкой), так и личной биографией женщины, на долю которой выпало немало испытаний (потеря шестерых новорожденных детей, утрата дома при пожаре, неоднократные кражи имущества, уход мужа на фронт, после возвращения – его измена и распад семьи, тяжелая болезнь и смерть единственного выжившего сына и многое другое).

В рамках полевого подхода к описанию группы единиц были определены ядро и периферия. К ядерным отнесены те ЛФЕ, в которых исходным является эмотивный смысл, указание на определенное чувство (*страдать, переживание, горемыка, горемычный*). В результате компонентного анализа словарных дефиниций выявлено, что наиболее частотными, находящимися в ядре поля оказались семы '*страдание*', '*мука*', '*горе*', '*беда*', '*несчастье*', '*нравственная боль*', '*душевная боль*'. На этапе формирования семантического поля на периферию выносятся единицы, в которых, во-первых, эмотивная сема находится среди коннотативных компонентов семантической структуры слова, т.е. является сопроводительной, не несущей основной смысл (например, *бог забыл* 'о состоянии человека, при котором смерть могла бы стать избавлением от страданий', *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания'); во-вторых, основное значение связано с иным чувством, не соответствующим данному семантическому полю (например, *жалко*: основное чувство – жалость, лишь затем – испытываемое тем, кого жалко, страдание: *Братика-то ши'бко жалко, он был полуризо'ванный*). На периферии семантического поля «Страдание» располагаются единицы с эмотивными семами '*жалость*', '*грусть*', '*неприят-*

ность'. В качестве имени поля выбрана единица *страдание*, так как сема '*страдание*' чаще остальных присутствует в толкованиях единиц, входящих в это поле.

Вслед за Л.Г. Бабенко все единицы эмоционально-чувственной сферы в рамках семантического поля «Страдание» распределены по функционально-семантическим классам (ФСК), понимаемым как «множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соответственности, объединенных категориально-лексической семой, которая может быть онтологически присущей слову (исходной) или наведенной контекстом (производной), и выполняющих единую семантико-синтаксическую функцию в речи. <...> Знаменательные слова обязательно содержат в семной структуре категориальные семы, которые связаны с отражением универсальных семантических категорий (качество, отношение, состояние)» [3. С. 72]. В нашем материале из семи выделенных Л.Г. Бабенко классов представлено шесть.

При описании каждого класса указываются: единое категориальное значение; входящие в класс единицы с толкованием значения по «Полному словарю диалектной языковой личности»; частеречная принадлежность и количество словоупотреблений ЛФЕ; наличие / отсутствие метафорических единиц.

1. Наиболее наполненным и разнородным в идиолексиконе оказался ФСК **слов эмоционального состояния**, который имеет категориальный компонент значения «испытывать определенное эмоциональное состояние»². Для информанта чувство страдания – это состояние глубокое, испытываемое субъектом в течение продолжительного времени. К данному классу относятся 26 единиц³: *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания', *горе бьёт* 'о печали, огорчении по поводу чего-л.', *биться3* 'мучиться, страдать, пытаясь преодолеть болезнь, болезненное состояние', *биться4* 'страдать, мучиться, чрезмерно трудясь, преодолевая нужду, бытовые и моральные проблемы', *биться с копейки на копейку* 'то же, что *биться3*', *бог забыл* 'о состоянии человека, при котором смерть могла бы стать избавлением от страданий', *бог не забыл* 'о желательной смерти, являющейся избавлением от страданий', *горе1* 'душевное страдание, глубокая печаль, скорбь', *горе2* 'плохо, нехорошо', *горе мыкать* 'страдать', *горевать*, *горечко* 'сильное горе', *горький* 'исполненный тягот, невзгод, горя', *горькой горечью* 'мучаясь, испытывая страдания', *грешит* 'мучиться', *кара* 'мучение, страдание', *край*, кат. сост. 'о крайне затруднительной ситуации, связанной с несчастьями, переживаниями, утратой чего-л. и т.п.', *мука* 'мучение', *мучиться*, *нелёгкий* 'связанный с тяжелыми переживаниями, отрицательными эмоциями', *переживание* 'душевное состояние, вызванное негативными сильными ощущениями, впечатлениями', *переживать* 'волноваться, беспокоиться в связи с чем-л., страдать из-за чего-л.', *страдание, страдать, тяжёлый* 'мучительно переживаемый, доставляющий душевные страдания, боль', *хватить мурцовки (горького до слез)* 'пережить много невзгод, горя, трудностей'.

Единицы ФСК эмоционального состояния составляют около 49% рассматриваемого поля. Количество словоупотреблений каждой единицы этого класса, по данным словаря, варьируется от 1 до 16. В группе присутствуют четыре глагола, пять существительных, два слова категории состояния, три фразеологических оборота. Существительные и слова категории состояния (*горе, страдание, беда* и др.) редко употребляются в сочетании с глаголами типа *испытывать, чувствовать, переносить*, что не является типичным по результатам исследования Л.Г. Бабенко [3. С. 74]. Обнаруженный факт может говорить о том, что диалектоносительница, не используя составные конструкции, емко, экспрессивно характеризует переживаемую ситуацию. Это вероятно, связано, во-первых, с тенденцией к экономии речевых усилий в устной речи вообще, отказу от сложных оборотов в пользу кратких высказываний. Во-вторых, конструкции типа *испытывать страдание / жалость* скорее характерны для описания состояния иных лиц, а не собственных чувств (*я страдаю, мне жалко*). В-третьих, такая особенность может исходить из индивидуальных черт информанта, который называет переживаемые чувства, описывает ситуации, связанные с ними, но не склонен рефлексировать над этим.

Найдено множество контекстов, где описание ситуации подытоживается словами *горе-то какое; Ой! Горе!*: *Меня давай дёргать – большо' давление ши'бко, надо же, на 140 с чем-то. Вой, я скорей одеться мне, уже надеть не могу... ничё, вот горе-то какое; Один пове'шался, и другой пове'шался. Счас один остался сын. А муж не знаю де у ей. Ну я ее знаю, Лизу-то. Хорошо знаю. Ой! Горе⁴.*

Большинство подобных случаев относится к описанию горя как высшей степени проявленности страданий человека. *Горе* и однокоренные слова, к тому же, являются одними из наиболее частотных в семантическом поле «Страдание».

Единицы эмоционального состояния, как правило, подчеркивают отсутствие волевой активности субъекта: человек не проживает страдание или борется с ним, а существует в этом концентрированном переживании, которое имеет начальную точку (причину), но практически никогда заканчивается. «В результате они (Л.Г. Бабенко имеет в виду единицы данного класса. – А.В.) передают эмоции как неактивное, замкнутое в субъекте состояние» [3. С. 72]. Здесь скорее само горе – действующее начало, захватывающее волю человека. Это считается, в том числе, в метафорических единицах, основой образного переноса которых служит лексика физического воздействия (*горе бьёт*), повторяющегося направленного движения (*биться*), возмездия, наказания за что-либо (*кара*): [*С: Ну, как, Вера, печка?*] *Близко. Нет, я говорю, к стене-то [близко сложил печь печник], вот у меня горе бьёт, угу; Она так бьётся тоже – не дай бог! <...> Она уж и так, бе'дна, рабо'тат да так все, замоталась. <...> Шитьтай, три мужука' на ее руках. <...> А она, бе'дненька, от эдак от, как шичу'нка, худенька... бьётся; Владимир хоть бы не пил бы уж. Зачем пить-то? Таку' кару перенёс [об операции], ешо пить.*

Сравнение горя с бессмысленным перемещением, скитанием (*горе мыкать⁵*) подчеркивает изматывающую продолжительность данного чувства, неосознанность собственных действий из-за силы переживаний: *В сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, померли хыть, бог не забыл. Остались бы горе мыкать.*

Единицы с первичным значением положения в пространстве (*край*) характеризуют страдание как крайнюю степень переживания субъекта, а метафорический перенос на основе вкусовых характеристик (*маяться горькой горечью*) – как нечто очень неприятное, едкое: *Ой, я упала, так легко шла. А стул тут стоял, а я покатила, повалилась-повалилась, поймаюсь не за что. Я на стул упала. Ну я ушибла только. Ох, от край-то, прямо хоть караул реви; От так, Катя, правда: р'остят, ро'стят горькой горечью детей... мальчика – и сразу заберут [в армию], и все.*

Горе через метафоры ассоциируется с неким вторяющимся, суетливым, однообразным действием, физической болью, пиковой, предельной точкой, крайне неприятными вкусовыми ощущениями.

2. ФСК слов **внешнего выражения эмоций** с категориальной семьей «выражать во внешности, жесте эмоциональное состояние, эмоциональное отношение» содержит единицы: *выть* ‘сильно плакать’, *глаз не осушать* ‘постоянно плакать, горюя о ком-л.’, *плакать* ‘проливать слезы (от горя, боли и т.п.)’, *реветь* ‘плакать’, *рёвом реветь* ‘плакать’. Пять перечисленных единиц составляют 9% семантического поля «Страдание». Количество словоупотреблений достаточно велико: от 1 до 94. Все единицы связаны с плачем, оплакиванием кого-либо или чего-либо: [*Племанника послали на ликвидацию чернобыльской аварии.*] *Я прям плакала об ём так, жалела его; А когда Миша у меня разбился, я прям рёвом реву-реву-реву!*; «*Ой, жалко мне его [проданный дом], Верочка Прокофьевна, до сме'рти жалко. Я так во-ою, во-ою, во-ою!*»; *Я ши'бко об Коле-то [умершем племяннике] плакала, я прям – ой, я глаз не осушала. Описания плача с множественными повторами (Она плачет, плачет, рёвом ревет сидит плачет) подменяют у информанта рефлексю, описание самого чувства, однако указывают на силу и глубину испытываемого переживания.*

3. В состав ФСК **эмоционального воздействия** входит пять единиц с категориальным значением «вызывать определенное эмоциональное состояние»: *всю душу вытянуть* ‘измучить чем-л. неприятным’, *как по сердцу ножом* ‘об ощущении внезапной душевной боли от какой-л. неприятности’, *мучить* ‘причинять муки, физические или нравственные страдания’, *маять* ‘вызывать нравственные мучения’, *намаять* ‘заставить мучиться, страдать’. Данный класс занимает третье место по количеству единиц (около 9%) семантического поля «Страдание» с числом словоупотреблений от 1 до 12. В него входят, в большинстве своем, глагольные лексемы.

По сравнению с другими ФСК семантического поля «Страдание» в данном классе больше всего метафорических единиц. Такую же ситуацию для соответ-

ствующего ФСК отмечает Л.Г. Бабенко на литературном материале [З. С. 75]. Основой для метафорического переноса служит лексика деструктивного воздействия: извлечения с применением силы (*всю душу вытянуть*), нанесения травмы (*как по сердцу ножом*): **Всю душу вытянули, Зоя да он [прося спиртного]; А он это: «Нет, не пойду я. Не пойду в армию». Ой, как по сердцу ножом! Подумать на'доть! Это опе'ть поперёк пойдёт!**

4. ФСК слов **приобретения эмоционального состояния** с категориальным значением «прийти в определенное эмоциональное состояние, становиться наполненным каким-либо эмоциональным состоянием», представляет состояние в динамике, его разные этапы (от начального до финального): *забываться* ‘менее остро ощущать горе, потерю’, *зака'менить* ‘стать бесчувственным в результате сильного горя’, *исстрадать* ‘испытать длительные страдания, неприятности’, *намаяться* ‘намучиться, исстрадаться’. В класс входит четыре лексем. Число словоупотреблений в каждом случае равно единице. Класс охватывает около 8% единиц семантического поля «Страдание» и полностью представлен глагольной лексикой, что соответствует значению категориальной семы.

Основой метафоризации эмоционального состояния ФСК слов приобретения эмоционального состояния является лексика с обозначением физиологического состояния (*забываться*), приобретения качества какого-л. вещества (*закаменеть*). Динамика, как правило, проявляется не в попытках преодолеть страдание (они в большинстве случаев безуспешны), а в достижении крайней точки этого чувства. Лишь одна единица класса (*забываться*) номинирует ослабевающее чувство горя, остальные – либо постоянство мучений (*исстрадать*, *намаяться*), либо изменение ощущений (*закаменеть*): *Полгода делали [поминки племяннику]. Мале'нько забываться я стала, ну все равно; А он говорит: «Ты, гыт, это... не езд. Ходи пешком, на' ночь-то! Опе'ть де-нибу'дь бросятся да угонят мотоцикл», – и так исстрадали да, до сих пор ешо по суду дело идёт [о краже мотоцикла]; [С: Ши'бко плакала на похоронах она.] А Валя? [С: Ну, Виленти'на – я так как-то ее... Не так. Не так.] Сердце, может, зака'менело.*

Дополнительным маркером динамики и интенсивности проявления того или иного состояния являются приставки с соответствующим значением. Три из четырех слов (*закаменеть*, *исстрадать*, *намаяться*) имеют префиксы со значением полноты действия, его доведения до результативного завершения. Указанные значения условно можно считать синонимичными, обозначающими доведенность чувства страдания до высшей отметки.

5. ФСК слов **эмоционального отношения** с категориальной семой «чувствовать определенное эмоциональное отношение к чему- кому-либо, направленное на что-либо, кого-либо, вызванное чем-либо, кем-либо» представляет 8% от его общего состава, включая 4 единицы. Номинации эмоционального отношения здесь – *жалеть* ‘чувствовать жалость, сострадание к кому-л.’, *жалко1* ‘о чувстве сострадания, жалости, испытываемом по отношению к кому-

чему-л.’, *жалко2* ‘о чувстве грусти, горечи по поводу отсутствия, утраты, исчезновения и т.п. кого-, чего-л.’, *жаль* ‘о чувстве сострадания, жалости, испытываемом по отношению к кому-, чему-л.’ Стоит отметить, что данные единицы находятся на пересечении семантических полей «Страдание» и «Жалеть»; в первом они находятся на периферии, во втором – в ядре. В «Полном словаре диалектной языковой личности» отмечено от 1 до 30 словоупотреблений в речи информанта.

В абсолютном большинстве случаев жалость крестьянки направлена не на саму себя, а вовне. Страдающее лицо здесь не сам субъект, а тот, кого ему жаль: *И сделали Юре операцию. <...> А потом у его вот така' шишка вздулась тут. Ходил-ходил, стал делать операцию. <...> Ну и это... Сидеть только... Лежать. Сидеть даже не мог. Лежал всё. А теперь поллуче стали, слава тебе, уосподи, мне жалко его; Кольцо парень потерял, мне жалко: он славный такой, парень-то. Диалектоносительница склонна выражать свое сопереживание, проявлять участие в горе других («чужих») людей, что выражается в характерном для нее словосочетании *вчу'же жалко*: [О родственниках знакомого] *Одному-то уж будет лет десять как по'мер, он молодой, с сорок шестого года, а этот тридцать восьмого но'нче по'мер. Хороший был, даже вчу'же жалко.**

6. ФСК слов **эмоциональной характеристики** с категориальной семой «характеризующийся, отличающийся каким-либо эмоциональным качеством» состоит из трех единиц: существительного *горемыка* ‘человек, постоянно испытывающий горе, всевозможные беды’, прилагательных *горемычный* ‘постоянно испытывающий горе, всевозможные беды; несчастный’ и *горький* ‘такой, на долю которого выпало много горя, несчастий’. Все единицы класса являются производными от *горе* – лексем, обозначающей высшую степень концентрации страдания. Класс составляет чуть более 6% от всего семантического поля «Страдание» с количеством словоупотреблений от 1 до 3. Анализ ФСК эмоциональной характеристики менее информативен с точки зрения реконструкции языковой картины мира, так как текст представляет собой ответ информанта на вопросы собирателя с множественным повторением объясняемого слова, а не спонтанную речь: *Ну, какой-нибудь сиротинка, так это вот говорят «горемычный», горький горемыка называют, один который живет, судьбы нету, тоже пьет, как придется, и называют тоже «горемыка», «горемычный». Что он один как-то, жены нету, семьи нету, горя много видел; Из комментария крестьянки видно, что испытывают горе, несчастье в основном люди одинокие, не имеющие семьи.*

Из семи ФСК, выделенных Л.Г. Бабенко, в идиолексиконе сибирской крестьянки не выявлен ФСК слов эмоционального качества, в единицах которого присутствует компонент «эмоциональное свойство» (*трусливость*, *опасливость* и под.). Эти книжные лексем оказываются неактуальными для носителя народно-речевой культуры.

Вместе с тем в словарном запасе индивида выделяется ряд единиц, не отнесенных ни к одному из

представленных выше ФСК. В их числе *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания', *горе* 'событие, вызывающее душевное страдание; беда, несчастье', *грех* 'беда, несчастье', *мука* 'мучение', *напасть* 'беда, несчастье, неприятности', *несчастье* 'тяжелое событие; горе, беда, бедствие' – итого шесть существительных (около 11% поля «Страдание») с количеством словоупотреблений от 3 до 19. Все они объединены значением «ситуация, сопровождающаяся каким-л. чувством», в данном случае – чувством страдания: *Мишенька [сын] вот тоже упал с мотоцикла, то ль на камень, ли че, перевернулся ехал и перервал не'рвну систему. <...> Несчастье большо'; Она [односельчанка] де-то с тридцать первого ли тридцать второго ли году – в таких годах <...> под машину попала тот раз. Голову сломала и че-то там ишо. Пять ли шес' рёбер сломала, вот беда дык; Шеболтуны'-то пьют? [С: Пьют.] Пьют. О'споди, беда; Болел, да. Беда прям. Слитность в одной единице номинации чувства и породившей это чувство ситуации типична для дискурсивной практики исследуемого носителя народно-речевой культуры – как и, возможно, для сферы устной спонтанной речи в целом.*

Таким образом, в ядро семантического поля «Страдание» входят первые четыре ФСК, в состав которых включается от 4 до 26 лексико-фразеологических единиц с семантикой проживания, выражения, внушения или приобретения соответствующего чувства, а также актуализированный в речи языковой личности ФСК ситуации, причиняющей страдание. Менее ярко выражены в процессе коммуникации, находятся на периферии, эмоциональное отношение и эмоциональная характеристика, отсутствует называние эмоционального качества.

Упоминание о чувстве страдания, как правило, представлено в дискурсе диалектной языковой личности в широком контексте вызвавшей его ситуации. Крестьянка склонна к обозначению причинно-следственных связей между чувством душевной боли и определенными жизненными обстоятельствами (в том числе из-за внимания к позиции собеседника-собирателя, не включенного в жизнь участников описываемых событий). Редко такое чувство связано с человеком, вредящим субъекту своими действиями. В абсолютном большинстве случаев страдание вызывают события, разрушающие привычный уклад, меняющие качество жизни человека. Среди причин, порождающих страдание, можно выделить:

– смерть в результате тяжелой болезни (как близких, так и малознакомых, чужих людей): *Заболел и заболел, восьмого марта. И вот до сех пор бился. Вот кода' схоронили – ну, дён десять как схоронили; А у нас от тут горе. Я не рассказала, са'мо большо' – правда, чужо'-то горе! У Василия [соседа заболел сын]. <...> И кака'-то толшына на его пошла от така'. От прямо от такой стал, как бочка! А... со врача'ми посоветовался <...> – лишній жир убрать. <...> Они убрали, да че'то зараженье пошло, да ногу отня'ли. Да он по'мер, недавно от сорок дён было. Ой, сколько у их переживаний было! И у нас-то у всех. Жалко;*

– преждевременную смерть в результате несчастного случая: *«Сёдня у нас большо' горе. <...> Марь Иванна попала под машину»; Да всё каки'-то бува'ют несчастья-то всё, то там, то там: то машина, то самолёт разбился;*

– травмы, недомогания, делающие человека нетрудоспособным: *Он подсклизнул'ся, да ой! Изломал [ногу] – сколько он страдал-то; Сижу, а ногу прям дёргат, дёргат. Вот край. <...> Елена увидала: «Ой, баба, это как ты терпишь, у тебя все пальцы си'ни». Я: «Ну чё поде'лаишь, терплю». <...> А я ночью лежу одна себе: [изображает:] «Ох, ох!» – никто' не слышит;*

– тяжелые условия существования: *У Николая [брата] в сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, по'мерли хыть, Бог не забыл. Остались бы горе мыкать; И вот мне-то не жалко, там не быть и бог с имя', и... дак а кото'ры-то страдают, как с деть'ми, му'чутся-то как, живут-то, без квартир!; «Пенсию не будут давать, денег нету». <...> Я говорю: «Ну уж, – говорю, – тогда' чё, край будет нам»;*

– войны, кардинальные изменения в укладе жизни: *Столько горя. <...> В сороковы'м году перешли суды' [в другой дом] – война началась финс... нет, кита'й-ска ли фи'нска ли? <...> И его [мужа] забрали, на го'д. Год он был на войне, как раз год пробы'л. В сороковы'м году. В сорок первом опе'ть война началась. И вот это... тут меня обокрали, в сорок первом же. Война нац'яла'сь – это же всё горе!;*

– потерю значимого имущества: *До капельки всё утаишы'ли, в чем была, в тем осталась. Ой, помню, как я страдала;*

– неудачные межличностные отношения: *И таё, как напьётся – а пил часто. И гоня'т всё, такой кара'хтер у его, худой. <...> Потом она билась-билась, и разошлась; А он [муж] халатно к ней стал относиться: то уйдет, то ночует где-нибудь не придет – плохо к ней стал. Ну и она побилась-побилась – уехала от их.*

Обратим внимание на то, что более тяжелые негативные события (смерть, болезнь) чаще описываются говорящим кратко и ёмко, без подробностей и долгих описаний душевных переживаний.

Ситуативно связанные с чувством страдания контексты отражают ключевые ценности традиционной крестьянской культуры (утрата которых вызывает данное чувство). В их числе главными, очевидно, являются жизнь и здоровье; важное место отводится достатку, стабильности жизненного и семейного уклада.

При употреблении информантом единиц семантического поля «Страдание» можно выделить три ключевых проявления чувства: *переживание – страдание – горе*. Вербализация негативного чувства как *переживания* обычно возникает из-за какого-либо длительного события, продолжительной ситуации (неблагоприятные погодные условия в период сенокоса, сложное финансовое положение; отсутствие информации о делах родственника, который находится где-то далеко): *Для меня все хорошо: и дож, и погода – все хорошо. А от кто сено-то косит, счас все*

чѣ, прямо **переживанье**; У меня Маруся чѣ-то не едет, я прямо **переживаю** за нее. Наверно, приболела'лась. Обозначение страдания проявляется в конкретных ситуациях душевной и физической боли⁶: Он подсклизнул'ся, да ой! Изломал [ногу] сколько он **страдал-то!**; До капельки все уташишлы, в чем была, в тем осталась. Ой, помню, как я **страдала**. Отметим, что в большинстве контекстов причиной страдания не является чья-то смерть. Осознание испытываемого чувства как горя в абсолютном большинстве случаев отражает глубокое, сильное, крайне тягостное переживание утраты родных и одиночества. Интенсивность проживаемого чувства здесь наиболее велика, а описываемые ситуации наиболее личные, травмирующие страдающего субъекта: Нихто' меня не пожале'т никогда. Кто бы пришел, а кто придет? Одна, век одна. Пятый год уж как Мишеньки [сына] нет. **Горе**, а все равно жалко; Я тебя ни в каку' минуту **го'рчку** не бросала. Ты же [в]от такой остался [без матери, жест: «маленький»], ты же на моих руках вырос.

Однако в некоторых случаях одним набором лексических единиц может характеризоваться целый ряд ситуаций и состояний: переживания в результате потери близких, физической травмы, бытовых проблем. Например, **горевать** употребляется в ситуациях смерти близкого человека, кражи машины, пожара (Она умерла. Вот он [муж после смерти жены] один остался, щас **горюет**; **Прям ши'бка горевали** [когда украли машину]. Плакали все; «Ну ничѣ, не мы одни [сгорели], ничѣ, не **горюй** уж, ну чѣ, не мы одни...» – угова'риват меня); **беда** – для описания таких проблем, как авария, болезнь, отъезд мужа (Они же но'нче каку' **беду-то** наделали: поехали, Гео'ргеваи, в Яр, да перевернулись; А это, как еѣ, а Наташа как? Ноэ-то ничѣ у неѣ? Бе'дна. **Беда** **прям**. Таки' переломы; Уехал [муж]? **Беда!** Ну конечно, она из-за е'того, наверно, болеет, пережива'т). Частотно употребление в рамках одного контекста сразу нескольких единиц, репрезентирующих эмоционально-чувственную сферу: [Печник перекладывает печь.] Хоть бы тепелась бы. А то **край** тоды' будет. Сколько – я сама-то, деньги денга'ми, сама-то **намучилась**. Да ешо

убилась. Так болит все, да ешо... Сколько у меня **страданий**, сколь **переживаний!** На мои'м сердце. Вот не знаю: ешо дымить будет – столько работы да, деньги отдашь, да... перекладывать надо будет. Вероятно, дифференциации в выборе лексических средств для обозначения страданий не происходит потому, что сами сферы, из-за которых склонен переживать информант, равно важны для его душевного спокойствия. Нельзя сказать, что смерть близкого и поломка печи – это одинаковые по силе эмоционального потрясения события, однако и сфера семейной жизни, и благосостояние, и порядок в быту играют важную роль в жизни крестьянки.

Итак, семантическое поле «Страдание» в идиолексиконе крестьянки представляет собой разветвленное, сложное образование, включающее в себя ряд функционально-семантических классов. Наиболее обширно представлен класс проявления эмоционального состояния, что объясняется самой сущностью чувства страдания как продолжительного, глубокого переживания – состояния. Нереализованным в речи диалектоносителя оказывается ФСК слов эмоционального качества. Наряду с описанными ранее на материале литературных текстов ФСК, при анализе текстов диалектоносителя был выявлен еще один класс обозначения ситуации, сопровождающийся каким-либо чувством.

Тема страдания широко отражена в дискурсе исследуемого информанта. Постоянные проявления этого чувства на протяжении долгой жизни сибирской крестьянки детерминированы как событиями личного порядка, так и непростой судьбой крестьянского сословия в эпоху бурных социально-политических потрясений. Чувство страдания во всем многообразии его проявлений можно считать одной из доминант мировосприятия диалектоносительницы. В то же время ее дискурсивная практика свидетельствует о том, что личность не замыкается в своем страдании: она неравнодушна к жизни других людей, искренне сопереживает им, а страдание воспринимает как неизбежную часть жизни человека, свойственную всему социуму, руководствуясь поговоркой чѣ в миру, то и нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основная часть экспедиционных материалов была собрана Е.В. Иванцовой [24. С. 5].

² Вслед за Л.Г. Бабенко чувства и эмоции будут пониматься в дальнейшем как синонимичные понятия, однако в более широком контексте настоящего исследования есть понимание различий между ними (чувства – более стабильные, продолжительные и глубокие переживания; эмоции – кратковременные, зачастую спонтанные проявления переживаний человека).

³ ЛФЕ даны в алфавитном порядке. Толкования приведены только для нелитературных (диалектных, диалектно-просторечных) слов, а также для многозначных единиц. Дефиниции диалектных слов соответствуют их определениям, данным в Полном словаре диалектной языковой личности [24], а общерусских слов – в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [23].

⁴ Здесь и далее при подаче иллюстративных материалов используются некоторые условные обозначения. Ударения ставятся только в нелитературных словах, а также при вероятности вариативного произношения. Пояснения, включающие информацию, оставшуюся за границами приведенного отрывка, даны в квадратных скобках. Также в квадратных скобках, но с указанием инициала «С» («собеседник»), дана речь собеседников Веры Прокофьевны. Пропуск части связного текста в иллюстрации обозначается знаком <...>.

⁵ Мыкать, устар., прост. – вынуждать скитаться, менять место жительства, работы, подвергая невзгодам и лишениям (о жизни, судьбе) [14].

⁶ Физическая боль попадает в зону анализа лишь в том случае, когда она сочетается с душевными переживаниями (например, потеря трудоспособности в результате травмы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
4. Воркачев С.Г. К терминсистеме лингвокультурной концептологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 112–116.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 284 с.
8. Беличенко Е.А. Репрезентация эмоционального концепта печаль, горе / sadness, grief в области глагольной лексики // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 496–507.
9. Куклина Д.Ю. Эмоциональный концепт «Горе» в разноструктурных языках (на материале немецкого и русского языков) // Духовная сфера общества. 2016. № 13. С. 94–103.
10. Ишегулова А.М. Концепт «КАЙФЫ» (горе) в башкирских народных песнях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 379–384.
11. Жаналина Л.К., Котлярова И.В. Фразеобразующий потенциал концептов «Тоска», «Грусть», «Печаль», «Горе» // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. труд. по итогам 4-й Междунар. науч.-практ. конф. по когнитивной фразеологии. 2019. С. 89–97.
12. Бабкина А.Ю. Семантические особенности наименований чувств и эмоций человека в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 26 с.
13. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований на материале русского языка : автореф. дис. ... д-р филол. наук. Белгород, 2004. 52 с.
14. Паневина И.Г. «Текстовый портрет» эмоциональных концептов «Радость» и «Горе» в произведении Гартманна фон Ауэ «Бедный Генрих» // Перевод. Язык. Культура. Материалы XI международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 216–222.
15. Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Образно-оценочные характеристики концептов «Радость» и «Горе» в романе Т. Гариповой «Буренушка» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 9-2. С. 267–278.
16. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте: прагматический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 52 с.
17. Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 29 с.
18. Филатова И.М. Характеристика человека: эмоциональный концепт «Жалость» в донских казачьих говорах // Студенческий электронный журнал «Стриж». 2017. № 4-2 (15). С. 42–45.
19. Приходько В.К. Лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «Любовь» в словаре русских говоров Приамурья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. № 4 (16). С. 41–48.
20. Ivantsova E. Linguistic personality of dialect speaker as a new object of dialectological researches // Dialectologia: revista electrònica. Summer 2016. № 17. P. 91–109. URL: <http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia17/> (дата обращения: 20.09.2020).
21. Гынгазова Л.Г. Образная интерпретация внутренней сферы человека в дискурсе языковой личности диалектоносителя // Язык и динамическая картина мира : материалы Междунар. науч. конф., 1–3 апреля 2014 г. Минск, 2015. С. 179–187.
22. Земичева С.С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4.
24. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1–4. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
25. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2020 г.

Representation of Suffering in the Vocabulary of the Dialect Language Personality of a Siberian Peasant Woman

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/462/2

Anna A. Vasilchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annavasilchenko.95@mail.ru

Keywords: idiolectal vocabulary; language personality; linguistic worldview; Siberian subdialects; semantic field SUFFERING.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10015.

The article examines the semantic field “suffering” that represents a fragment of the emotional and sensual existence of a language personality. The linguopersonological research based on the material of the idiolectal vocabulary of Vera Vershinina, a Siberian old resident, continues the comprehensive description of a dialect language personality made by Tomsk dialectologists. The research sources are *A Complete Dictionary of a Dialect Language Personality* edited by E.V. Ivantsova, transcripts of the informant’s speech made through participation in the linguistic existence of the speaker. The article focuses on 52 lexical and phraseological units. The research aims to describe a fragment of an individual linguistic worldview representing suffering. The view on the research object develops in the following way: word – definition – examples represented in the dictionary – text – idiolectal discourse. At the first stage of the research, the lexical and phraseological units are divided into seven functional semantic classes (FSC) according to the categorial lexical seme uniting them. The researcher examines the numerical composition of each class, the linguistic features of its elements (presence of figurative units, features of the use of the examined words). The most developed is the FSC of emotional state, since suffering is perceived as a long and deep feeling caused by a certain reason, but infinite. Classes of emotional impact and receiving the emotional state characterize suffering as a feeling hurting physically, exhausting with its length and intensity. A large number of units with the semantics of weeping in the FSC of external expression of emotions can indicate that the informant replaces reflection with a detailed description of external manifestations of suffering. Classes of emotional characterization and attitude show the informant as a person deeply empathetic to the grief of others. The last FSC demonstrates that names of the feeling and the situation causing this feeling coexist in one unit, which is typical for representatives of the folk speech culture. At the second stage of the research, the author describes the most frequent situations associated with the actualization of the semantic field “suffering” in the informant’s speech. These situations include: disease or death; disability caused by an injury; difficult living conditions, etc. It corresponds to the core values of the traditional peasant culture: life and health of a person, wealth, stability of a family’s life. The material shows that, for the dialect speaker, suffering is one of the dominants of reality, a constant of everyday life fully accepted by the speaker. However, the informant does not ignore other people in her grief, she is empathetic towards their life because of such personal qualities as optimism and spiritual power.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and world of man]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
3. Babenko, L.G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Ural State University.
4. Vorkachev, S.G. (2015) K terminosisteme lingvokul'turnoy kontseptologii [To the terminology system of linguocultural conceptology]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Ivestia of Volgograd State Pedagogical University*. 3 (98). pp. 112–116.
5. Vorkachev, S.G. (2001) Kontsept schast'ya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty [The concept of happiness: Conceptual and figurative components]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 60 (6). pp. 47–58.
6. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
7. Vorkachev, S.G. (2007) *Lyubov' kak lingvokul'turnyy kontsept* [Love as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
8. Belichenko, E.A. (2013) The actualization of the emotional concept *pechal'*, *gore/sadness*, *grief* in the verbal lexis domain. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 13. pp. 496–507. (In Russian).
9. Kuklina, D.Yu. (2016) Emotsional'nyy kontsept "Gore" v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Emotional concept "grief" in languages of different structures (based on the material of German and Russian)]. *Dukhovnaya sfera obshchestva*. 13. pp. 94–103.
10. Ishgulova, A.M. (2016) The concept of *kaygy* (grief) in Bashkir folk songs. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 1 (51). pp. 379–384. (In Russian).
11. Zhanalina, L.K. & Kotlyarova, I.V. (2019) [Phrase-forming potential of the concepts "longing", "sadness", "sorrow", "grief"]. *Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry* [Phraseology in the linguistic picture of the world: Cognitive-pragmatic registers]. Proceedings of the 4th International Conference on Cognitive Phraseology. Belgorod. 26–27 March 2019. Belgorod: OOO "Epitsentr". pp. 89–97. (In Russian).
12. Babkina, A.Yu. (2008) *Semanticheskie osobennosti naimenovaniy chuvstv i emotsiy cheloveka v sovremennom russkom yazyke* [Semantic features of the names of feelings and emotions of a person in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
13. Romanov, D.A. (2004) *Yazykovaya reprezentatsiya emotsiy: urovni, funktsionirovaniye i sistemy issledovaniya na materiale russkogo yazyka* [Linguistic representation of emotions: Levels, functioning and systems of research on the material of the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Belgorod.
14. Panevina, I.G. (2020) [A "textual portrait" of emotional concepts "joy" and "grief" in Hartmann von Aue's "Poor Heinrich"]. *Perevod. Yazyk. Kul'tura* [Translation. Language. Culture]. Proceedings of the XI International Conference. St. Petersburg: Leningrad State University. pp. 216–222. (In Russian).
15. Samsitova, L.Kh. & Tashbulatova, R.M. (2014) *Obrazno-otsenochnye kharakteristiki kontseptov "Radost'" i "Gore" v romane T. Garipovoy "Burenushka"* [Figurative and evaluative characteristics of the concepts "joy" and "grief" in the novel *Buryonushka* by T. Garipova]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9–2. pp. 267–278.
16. Bazhenova, I.S. (2004) *Oboznacheniya emotsiy v khudozhestvennom tekste: pragmaticheskiy aspekt* [Designations of emotions in a literary text: A pragmatic aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
17. Kobernik, L.N. (2007) *Chuvstva i emotsii v interpretatsii russkoy dialektnoy metafory* [Feelings and emotions in the interpretation of the Russian dialect metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Filatova, I.M. (2017) Characteristic of a person: The emotional concept of "pity" in the Don Cossack dialects. *Studentcheskiy elektronnyy zhurnal "Strizh"*. 4–2 (15). pp. 42–45. (In Russian).
19. Prikhod'ko, V.K. (2013) A lexical-semantic group having "love" as its basic cognitive component, in the Dictionary of Russian Dialects of the Amur River Region. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*. 4 (16). pp. 41–48. (In Russian).
20. Ivantsova, E. (2016) Linguistic personality of dialect speaker as a new object of dialectological researches. *Dialectologia: revista electrònica*. Summer. 17. pp. 91–109. [Online] Available from: <http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia17/> (Accessed: 20.09.2020).
21. Gyngazova, L.G. (2015) [Figurative interpretation of the inner sphere of a person in the discourse of the language personality of a dialect speaker]. *Yazyk i dinamicheskaya kartina mira* [Language and a dynamic picture of the world]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 1–3 April 2014. Minsk: Minsk State Linguistic University. pp. 179–187. (In Russian).
22. Zemicheva, S.S. (2016) *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Perceptual picture of the world of a dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 4. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
24. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of a dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
25. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.

Received: 30 November 2020